

Лю Цюаньфу раздражали Лю Цюаньцзинь и Син-гэ, поэтому он сыпал язвительными замечаниями одно за другим, говорил всё наглее, а под видом пьяной выходки хотел даже избить Лю Цюаньцзиня, а лучше всего — снять с него одежду и надеть на себя.

Лю Цюаньцзинь же, не увидевшись с братом много дней, радовался в душе. Выслушав пару колкостей от Лю Цюаньфу, он не придавал этому значения, а когда услышал, как тот в открытую и с намёками говорит про его одежду и бесится, то и сам подумывал снять её и поменяться с братом.

Но когда дело дошло до рукоприкладства, заговорил Син-гэ:

— Отец, Лю Яоцин велел мне за тобой присматривать.

Если бы они поменялись одеждой, то, вернувшись домой, простил ли Лю Яоцин Лю Цюаньцзиня или нет — это ещё ладно, но вот Лю Цюаньфу определённо бы досталось, да и старик Лю не нашёл бы покоя. У Лю Яоцина хватит на это сил, а Чжэцзы его во всём поддерживает.

Лю Цюаньцзинь несколько не сомневался, что Лю Яоцин на это способен.

Поэтому Лю Цюаньцзинь пришлось позволить Лю Цюаньфу беситься, но менять одежду он больше не собирался — духу у него не хватило.

— Раньше ты был мелкий, по ночам в темноте боялся, это я тебя на спине домой нёс, — Лю Цюаньфу сидел на кане как каша и вещал с видом полного праведника. — Третий брат, человек совесть терять не должен. Подумай, в чём я тебя обидел, старший брат. Ты теперь зажил по-человечески, а домой заглянуть не хочешь. А чем я тут ем? Да на Новый год — одна мякина да трава...

Лю Цюаньцзиня слова эти задели за живое, он собрался было ответить, да вдруг видит: Лю Яоцин в дверь входит. Неизвестно отчего, но слова в горле застряли.

— Дядя, перед Новым годом я к деду с гостинцами ездил, вся деревня видела: целая телега. Хоть животы распорите, не съедите, а ты, дядя, половину к себе в комнату утащил, деду с бабушкой, разумеется, на всю вашу ораву не хватило, — Лю Яоцин, улыбаясь, вошёл в избу, сначала с Лю Даню поздоровался, а уж потом заговорил. — Чего это сегодня решил у третьего дяди халявной поживиться? Ты, дядя, стеснения не знаешь, а деду-то лицо сохранять надо.

— Ваша семья зажила, небось, деда и забыла? — холодно усмехнулся Лю Цюаньфу.

Лю Цюаньцзинь заметил, как на лице у Лю Яоцина отразилась грусть: утром, когда он к старому Лю ходил, видел — живут там, конечно, не так привольно, как на горе, и яств с фруктами на столе поменьше.

— Как это? Я телегу гостинцев привёз, а ты их к себе в нутро припрятал, деду с бабушке не оставил, и теперь ещё меня винишь? — Лю Яоцин не сердился, а всё так же улыбался. — Хочешь, чтобы я извинился — будь по-твоему, только, дядя, всё, что ты проглотил, обратно выплюнь, а не выйдет — серебром плати. И не забудь: когда Чжун-гэ женился, дед у меня расписку взял. Я до сих пор при деле не вспоминал, но если ты, дядя, всё подсчитать хочешь, давай подсчитаем.

Лю Цюаньфу был такой тип: если по его логике идти, так весь мир перед ним виноват, а если выкинуть эту дурь из головы, то всё наоборот — он перед всеми виноват!

Лю Цюаньцзиня Лю Яоцин говорил так, что тот просто опешил, а через долгое время только очухался и невольно косился на Лю Цюаньфу. Старший брат у того был на язык остёр, с малых лет старика Лю и Ли-ши любил, а теперь Лю Яоцин всё чёрное белым сделал.

Пожалуй, так оно и было: чёрное и белое поменялись местами.

— Дядя, я деду сказал, он сейчас должен быть, велел тебя домой забирать, — Лю Яоцин, видя, как Лю Даню кивнул, обернулся к Лю Цюаньцзиню. — Папа, третий дядя Цинь в горах с самого утра, беги скорее его сменяй, пусть и он по деревне пройдётся, людей повидает.

Вспомнив про это, Лю Цюаньцзинь о прочем забыл, поспешно слез с кана и ушёл.

Третий дядя Цинь — сват, родня, Лю Цюаньцзинь не мог позволить, чтобы тому было неудобно. Впредь Лю Яоцин в его семье жить будет, хоть и в горах, но всё равно иначе.

Когда старик Лю пришёл, Лю Яоцин его отчитал как следует, так что тот, с поникшей головой, увёл Лю Цюаньфу домой. И только тогда Лю Яоцин взял за руку Чжэцзы-гэ и поспешил в горы.

В нужник!

Покончив с важным делом, Лю Яоцин направился к теплице.

Бао-гэр и Лао-гэр после обеда по горе бродили, с третьим дядей Цинь поговорили, но вниз спускаться не спешили. Они ведь из чужих деревень, с роднёй связи давно порваны, а в деревне семья Нью их днями била, знакомых завести не давала, так что они решили Новый год на горе встретить, вольно и привольно.

— Сегодня не собираем, завтра, — Бао-гэр, заметив, что Лю Яоцин за клубникой полез, поспешил сказать.

В первый день Нового года не работать — значит, весь год в довольстве жить, не пахать с утра до ночи.

— Ладно, завтра ещё покраснее будет, — Лю Яоцин не стал настаивать.

После обода Лю Цюаньцзинь на горе гостей встречал, Ли-ши и Шэнь-ши, походив по деревне, вернулись, на кухне принялись застряпню — всё по заказу Лю Яоцина, надо было с выдумкой, да свежестью, да мастерски.

Каждому по яйцу всмятку, да каша из жареного риса — на вид красноватая, пахнет вкусно, на вкус — просто объедение.

— Яоцин, сегодня со мной многие играли, — Юй-гэр, конфеты в карманах, щёки раздутые, весело сообщил. — Я ещё Сяо Бао встретил. Он с тёткой шёл, хотел у меня конфету отнять, да взрослые отговорили: мол, в Новый год силой отбирать — не к добру. Сяо Бао хотел было реветь, да и плакать в праздник — нехорошо.

— Юй-гэр, завтра в деревню пойдёшь? — Лю Яоцин подумал и спросил.

Юй-гэр головой затряс:

— Не пойду. Опять Сяо Бао встречу — не побью я его, лучше на горе спокойно. Мама, я смотрю, с отцом уже примирилась, раз он опять не вернулся.

Жизнь на горе стала в разы лучше, чем раньше в семье Лю. Пусть Лю Цюаньюнь всё не возвращался, Шэнь-ши с сыном жили ладно, о мужчине, что годами не показывался, старались не думать.

Вечером Син-гэ сам пошёл в соседнюю комнату спать, а Чжэцзы-гэ перебрался на кан к Лю Яоцину. Каждый в своё одеяло залез. Круглый Мао Бай, которого Лю Яоцин из своей постели выгнал, на коротких лапках к Чжэцзы-гэ побежал, тот край одеяла приоткрыл, и Мао Бай, радостно виляя хвостом, внутрь закатился.

А утром Мао Бай обнаружил, что спит в одиночестве: Чжэцзы-гэ то почему-то к Лю Яоцину в постель перебрался.

Ещё светать не начало, Чжэцзы-гэ уже поднялся, побежал к теплице, всю красную клубнику собрал, помыл и в миску выложил, как следует на стол у кана поставил — чтобы Лю Яоцин, как глаза откроет, сразу и увидел.

Только не рассчитал Чжэцзы-гэ: Лю Яоцин-то увидел, да только другая мысль пришла в голову:

— А завтра эту клубнику есть не будем, соберём, в деревянные коробки уложим, со льдом отправим туда. Думаю, завтра уже за свежими овощами приедут.

У богатых людей денег хватает, еда у них должна быть самой лучшей. Купцы, увидев выгоду, сами прибегут, а тогда Лю Яоцин сможет попросить их коробки в уездный город доставить, уездному начальнику Ду, а тот уже императору отправит.

...Вроде не поздно.

Переродившись в деревне Шангу, Лю Яоцин понимал: жизнь его в руках императора.

Как говорится: «Под небом нет земли, которая не принадлежала бы государю, и под небом нет подданных, которые не принадлежали бы ему». Лю Яоцин давно думал о том, как простому человеку жить привольно, не опасаясь ежеминутно за жизнь, особенно когда у него в руках столько добра.

Лебезить перед императором, конечно, хорошо, но Лю Яоцин не ставил его на первое место.

С самого начала он жил, как хотел. Если старик Лю с Лю Цюаньфу спокойной жизни не давали, он эту семью Лю просто ломал, всех в горы перетаскивал, серебра кучами зарабатывал и делал, что хотел. А когда солдаты пришли, вели себя они очень странно: не то что с Чжэцзы-гэ спорить, Лю Яоцину на вопросы отвечать боялись.

Хоть и недолго они с теми солдатами общались, лишь по крупичкам, но за это время, уж и Новый год встретили, Лю Яоцин понял: Чжэцзы-гэ, похоже, не так прост.

Да только Чжэцзы-гэ об этом не говорил, может, сам и не ведал, а Лю Яоцин не спрашивал — лишь бы его делам не мешал.

В Новый год Лю Цюаньфу на улице бесился, старик Лю пришёл его забирать. Народ молчал, но в душе головами качал. Эта семья всё больше назад пятилась, и в сравнении с Лю Яоцином, что на горе жил, старик с сыном и десятилетнего парня были хуже.